

Книга как событие



Виталий Лехциер

Поэзия и ее иное: философские и литературно- критические тексты

Екатеринбург; М.: Кабинетный
ученый, 2020. — 190 с. — 350 экз.

Александр Житенев

Интерпретация поэтической фактичности¹

DOI: 10.53953/08696365_2021_172_6_193

Книга В. Лехциера — это событие: и потому, что она в дискуссионном порядке очерчивает границы литературной актуальности, и потому, что в ней теоретически проблематизируется поэзия и поэтическое.

Разговор подобного рода давно назрел, но в силу того, что пул исследователей новейшей русской поэзии составляют по преимуществу историки, а не

1 Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00205.

теоретики, никак толком не мог начаться. Конечно, усилия в этом направлении предпринимались, но всерьез о каких-то прорывах в теории поэзии в русскоязычном контексте говорить до недавнего времени не приходилось. Возможно, с этой книгой ситуация изменится — и будет хорошо, если она вызовет широкое обсуждение.

Гибридная идентичность автора — поэт, исследователь литературы, философ — оказывается в этом случае явным преимуществом, поскольку позволяет не только обозначить новые аналитические подходы, но и сформулировать ключевые тезисы без догматизма, с максимальным вниманием к живой литературной реальности.

Книга компактна, построена на развернутом анализе сравнительно небольшого числа примеров, но методический аппарат оговорок и ограничений, обуславливающих выбор тем и персоналий, в ней безупречен. Она репрезентативна — и в смысле отражения актуальной проблематики современной поэзии, и в смысле демонстрации выработанных автором за двадцать лет подходов к предмету: постметафизического, феноменологического, связанного с «фреймом документальности».

По-настоящему новой книгу делает опыт радикальной историзации мышления о поэзии. В самых разных вариациях в ней звучит мысль о невозможности в современном гуманитарном знании любого субстанциализма. Эта идея связывает самую раннюю из теоретических работ книги, «Апологию черновика», с ее критикой канонического текста, и самую позднюю, «Экспонирование и исследование», с ее тезисом о необходимости «проблематизации эстетической автономии».

Важнейшая интуиция книги — понимание, что эстетическое «бесконечно закрывает мир вместо того, чтобы его открывать» (с. 72), что в нем есть импульс самоограничения, возвращения к естественности, и именно ему следует уделять внимание. По В. Лехциеру, «жизни нет, если она не выговаривает себя в речи» (с. 147), и опыт проговаривания-свидетельствования, с его точки зрения, сейчас особенно интересен. Поэтический текст ценен тем, что в нем говорит социальная и антропологическая реальность, и заявленные в книге теоретические ракурсы призваны сделать зримыми эти референтные связи.

Взгляд на поэзию как феноменологию позволяет заявить как проблему эстетическое освоение «структур и форм первичного опыта мира», «экстатическое обычное» (с. 78), скрытое за «наивным» восприятием. Справедливо указывая, что в поэтических практиках XX века важное значение имеют разные варианты «анализа связи сознания и мира» (с. 78–79), В. Лехциер предпринимает серьезную попытку их «картографирования», устанавливая неочевидные сходства между Приговым и Драгомощенко, Ходасевичем и Рильке.

Опыты сближения поэтического и феноменологического применительно к русской лирике XX века уже имели место, новизна подхода Лехциера состоит в последовательности и системности таких параллелей. Ценность этого способа исследовать поэзию — в раскрытии структуры образа через систему интенциональных актов, в выявлении «устройства» эстетизиса, его социокультурных и исторических оснований.

Нет необходимости говорить, что это позволяет существенно обогатить аналитическую оптику, по-новому прочертить связи эстетического и внеэстетического. Другое дело, что в рамках единственного текста, пусть и блестяще фундированного, дать ответы на все вопросы невозможно. В чем различия раз-

ных типов «феноменологического» письма? В каких исторических обстоятельствах они возникают? Можно ли говорить об углублении связей феноменологии и поэзии в контексте исторической поэтики? Все это — материал для других исследований. Хочется думать, они будут.

Феноменологический подход, выявляющий социокультурные основания мышления, служит детализации тезиса, что любой разум, в том числе поэтический, «совсем не “чистый”, что он фактический», существующий в «конкретных коммуникативных» или «биографически-речевых ситуациях» (с. 47, 56). Ценность подхода В. Лехциера в том, что он ясно показывает: рассматривать поэтический текст только в эстетическом ряду непродуктивно, поскольку это закрывает многое и в обстоятельствах его создания, и в авторской интенциональности, ведь «высказывание — это плоть опыта» (с. 59).

Внимание к «ситуированности» речи делает закономерным исследование не только разных форм «поэтичности», но и «иного» поэзии, которым в контексте книги как раз и оказывается все, что делает высказывание историчным, — «например, исследовательское начало или политическую вовлеченность, или этическую задачу свидетельствовать о страдании совершенно реальных людей» (с. 111). Это очень важный аналитический ход, который позволяет связать опыт имманентного и социокультурного анализа текста, принять во внимание универсальную для XX века идею, что «искусство осуществляется как критика собственных оснований, границ и условий» (с. 60).

В книге этот ход подробно обоснован в статье «Корзина искусства», где показано, что в практике XX века эстетическое ориентировано не только на пересоздание мира, но и на его «реактивацию после всех символических захватов», что в нем важна «этическая рефлексия», вызванная избыточностью, максимальностью искусства. «Самоограничение эстетического» — способ преодолеть условность искусства, вернуться к «беззащитной естественности жизни» (с. 71).

Такая жесткая связка этического и эстетического делает объяснимой попытку прочитать современные поэтические практики в интеллектуальном контексте постметафизики — как продолжение в эстетическом поле критического мышления с его «идеями фаллибилизма, незавершенности, промежуточности и процессуальности предьявляемой истины» (с. 58). Это, вероятно, главный «пуант» книги, который, несомненно, вызовет сочувственное приятие, поскольку он возвращает поэтической работе значение актуальной гуманитарной практики.

Постметафизика у В. Лехциера трактуется довольно широко — как родовое обозначение целого ряда «критических» традиций: феноменологии, критической теории, аналитической философии и структурализма. Ее главная сущностная черта — внимание к опосредованиям сознания и высказывания. В поэтическом контексте «постметафизическое» проявляет себя как рефлексия над ситуированностью речи, как «внимание ко всему социальному и повседневному, языковому и опосредованному» (с. 39). Это продуктивный объяснительный ход, который позволяет с единой точки зрения прокомментировать самые разные поэтики, задать общую рамку для разговора о русской поэзии начала XXI века.

Эффектной и убедительной кажется трактовка постметафизики как единства трех импульсов — «этизации, лингвизации и политизации» (с. 38), и каждый из них в книге В. Лехциера получает детальный комментарий. В то же время логика акцентуации и отсекаемости возможностей, кажется, допускает дискуссию. Можно ли трактовать поэтическую практику как «постметафизичес-

кую», если в ней наличествует принцип «процессуальности истины», однако критика поэтического разума ограничивается только «лингвизацией»? Возможно ли опосредованное присутствие «этизации и политизации» или они должны быть тематически заявлены? Эти и другие вопросы были бы схоластическими, но «постметафизика» у В. Лехциера соотносится прежде всего с «социальной поэзией нового типа», в основе которой — напряженное само-соотнесение с «чужой речью», а поскольку не все актуальные практики на этом выстроены, нельзя не спросить, «постметафизические» ли они.

Вполне очевидно, впрочем, что эти и другие вопросы не ставят под сомнение концепцию, а скорее доказывают, что она вполне рабочая, — именно потому, что предполагает обсуждаемость своих оснований. То же самое можно сказать и об идее сосуществования в современной поэзии двух основных моделей субъективности — «медиумической», когда в поэте говорит некая надличностная сила, и «ситуативной», когда сборка субъекта происходит внутри «биографически-речевой ситуации». Очевидно же, что субъектность может быть и сконструированной — и тогда ее не описать в этой бинарной системе, нужны другие координаты.

В книге В. Лехциера среди других блестящих формулировок есть одна особенно яркая — и она тоже соотносена с установкой на «промежуточность» результата познания: «Недавно я для себя определил ситуацию в современной поэзии формулой $N + 1$. <...> Формула $N + 1$ фиксирует фактическую множественность и одновременно процессуальную открытость актуального» (с. 64—65). Это слово — «открытость» — кажется уместным соотнести и с построениями автора книги, несомненно увлеченного сложностью реальности больше, чем завершенностью теоретической идеи.

В трехчастной книге, включающей разделы «Черновое письмо, поэзия как феноменология и координаты постметафизики», «Взаимный дар: документ, свидетельство, политизация», «Рецензии и отзывы» центральное место в соответствии с авторской трактовкой поэтической постметафизики занимает разговор о *docu-poetry*.

Дискуссия о возможностях, пределах и формах политизации современной поэзии ведется уже давно, и вклад В. Лехциера в нее значителен — и потому, что он критически комментирует самые разные концепции, и потому, что с опорой на американскую исследовательскую традицию вводит в отечественный научный оборот новый термин и дает к нему подробные комментарии.

Упрощая, можно сказать, что документальность в книге выступает самым показательным примером фактичности, той самой «биографически-речевой ситуации» — и если поэт ставит задачу «этнографического» описания реальности, в которую он погружен, и если он ориентирован на работу с чужими свидетельствами. При этом документ очевидным образом нагружен знанием о социальной реальности, политически окрашен, а потенциально — и перформативно заряжен. Это новый и многообещающий ход, что подтверждается виртуозными разборами текстов А. Авербуха, Л. Юсуповой, М. Малиновской, А. Колчева, С. Лейбграда, Д. Кузьмина, Е. Симоновой, М. Новака.

Логика такой конкретизации политического безупречна, и если ей можно возражать, то только в исходной посылке. По В. Лехциеру, «социальное есть чужая речь», а потому «лирический опыт в постметафизической перспективе... есть поэтическая интерпретация социального как речевой коммуникации» (с. 46).

Для выявления особого характера этой коммуникации с другим вводится новый термин — «интерречь», под которой имеется в виду взаимодействие «не просто с другими завершёнными произведениями культуры, а с фактической чужой речью» (с. 47). Интерречь — это конкретная (стилевая) сфера пересечения «поэтики и политики как экзистенциальных практик» (с. 39). Именно здесь происходит «ситуирование» и самособирание поэтического субъекта, и автор книги убедительно показывает, как в этой точке могут сталкиваться разные идентичности.

Документальная поэзия, по В. Лехциеру, — это «привилегированная территория высказывания» (с. 101): она проблематизирует статус поэтического субъекта, ставит под вопрос эстетическую автономию его высказывания, делает зримыми — в жесте «экспонирования, транспонирования и исследования» документа (с. 124) — те социальные связи, которые его сформировали. Это поле со значительным инновационным потенциалом, фокус литературной актуальности.

Обоснованность этого тезиса, как других ключевых положений книги, не вызывает сомнений. Книга В. Лехциера — новое теоретическое высказывание о поэзии, и этим она исключительна. В ряду последних книг о новейшей русской лирике ей принадлежит одно из самых заметных мест: она по-новому проблематизирует материал, обосновывает перспективные методы его анализа, вводит актуальные поэтические практики в широкий контекст философского знания.

Ольга Соколова

На границе поэтического высказывания:

ДОКУМЕНТ И СВИДЕТЕЛЬ

DOI: 10.53953/08696365_2021_172_6_197

Концептуальная и методологическая пограничность, установка на стратификацию концепций и подходов заявлена уже в названии книги Виталия Лехциера. Прием наведения и сдвига фокуса с ключевой идеи — поэзии — за ее границы, в иное, — отражая стратегию когнитивного преодоления оппозиций и смещения «фигуры-фона», маркирует дискурсивную установку автора на отказ от алгоритмизированных путей означивания, на деиерархизацию и децентрализацию системы в целом. Разворачивая систему измерений современной поэзии — как критики, феноменологии, свидетельства, — Виталий Лехциер изначально формулирует тезис об отрицании доминирования любого дискурса, даже поэтического, скрывающего в потенциале возможность слишком поэтического.